

УСЛЫШАТЬ МУЗЫКУ ЗА СНЕГОМ

(София Максимычева, Полотно. Сборник стихотворений. – Волгоград: Перископ-Волга, 2023. – 208 с.)

Как-то раз под Новый год мы прогуливались с Софией Максимычевой по улицам её родного Ярославля, и у нас само собой зашёл разговор о поэзии. В частности, мы говорили о том, для чего поэту сейчас необходимо издавать бумажные книги. «Ведь это единственное, что от меня останется: мои мысли, чувства, моя душа», – сказала поэтесса, и думается, что это главная причина, по которой творческий человек стремится сделать созданное им общедоступным.

«Полотно» Софии Максимычевой многослойно: это и название новой книги, и то, что в самом точном и масштабном смысле отражает сущность автора и его творческого метода. Один за другим, с наслаждением знатока и ценителя «затруднённой» образной речи мы снимаем эти пласты, обнаруживая новые смыслы и ярусы поэтического текста.

Здесь всё выверено с архитектурной точностью. Вот первый, относительно поверхностный уровень, на котором формируется образно-ассоциативное поле «живопись»: «Художник», «тюбики с краской», «кисточки», «натюрморт», «охра и сурьма» – все эти слова отсылают читателя к прямому толкованию полотна как произведения живописи. Есть и стихи, в названиях которых упоминаются конкретные имена, хорошо известные в мировой истории культуры: «Брейгель рисует ветви», «Страдания по Брейгелю» и т.д.

Поэзия – тоже живопись, только на ином уровне восприятия мира. Тем, кто хорошо знаком с творчеством Софии, кто знает её предыдущие книги (а их немало) легко путешествовать по увлекательному миру, в котором мотивы и образы уже легко узнаваемы. Здесь и тема женщины, и вода, в тёмных глубинах которой таятся вечные, бессмертные смыслы, и обжигающая современность, и глубокая древность.

«Зелёная шаль», «Дурочка», «Портрет женщины», «Эхолот», «Петербургье» – все эти сборники прочитаны мной тщательно и неоднократно. Это части одной большой картины, из которой складывается общее представление о творчестве автора. Ассоциация с живописью очевидна, поскольку словесные и звуковые краски – та же акварель, только немного другая, видимая внутренним зрением, улавливаемая на уровне интуиции.

А впрочем, почему акварель? Иногда это чёрно-белая графика или даже простой карандашный рисунок. Парадокс заключается в том, что каким бы художественным стилем ни был написан текст, какими бы разнородными ни казались части полотна, они всё равно дают единую, целостную картину мира.

Одна тема логически продлевается другой:

*морозный день нагрянет, аналой
под сводами собора всепечален.
Стекает воск расплавленной свечой.
Отталкивая берег, ты отчалишь,
Оставив на голодном алтаре
сухие ветви, бывшие живыми...*

Как легко, как ловко любовная тема ложится в форму пейзажной зарисовки. София – мастер контаминаций. Но вдумчивого читателя не обманешь – он угадывает тему заглохшего сада по первым строкам. Того самого сада, который разграблен изменой, отсутствием любви – но ею же и возвращён в итоге. А вот, как на параде планет или природных сезонов, представлены все темы сразу: вода, неявные зоны смыслов («тёмные материи»), чистый лист творца, выстраивающего свои отношения с миром не по горизонтали, а по вертикали:

*Воды осенние порывы,
холодной смуты темнота,
Небесных прописей отрывок,
читаем с чистого листа,*

*где с постоянством периодик
спокойный длится беспредел.
И нет иной листвы в природе,
с которой сад бы не свистел.*

Взгляд автора всегда устремлён к Богу – источнику страданий и вдохновения, минутных радостей и вечных смыслов. Читатель поднимается на новый ярус «Полотна», где царствует поэтическое слово, рождающее бесконечное количество аллюзий и ассоциаций, образующее универсальное художественное пространство.

А следом идёт ещё один ярус, находящийся уже где-то на уровне небоскрёба. Полотно – не только живопись или творчество. Это жизнь, выходящая далеко за границы земного зрения лирической героини. Речь идёт уже о вселенском полотне, которое время – вечная мойра – ткёт неустанно. В последней книге Софии Максимычевой немало мрачных раздумий – «смерть» нередко торжествует над жизнью, но извечная попытка избежать тления, оказавшись за пределами мира реального, «за рамками иллюзий», видится автору «на чёрных холстинах времён». Времена эти тянутся от глубокой древности до наших дней, позиционируя автора как человека глубоко эрудированного, свободно путешествующего по запутанным лабиринтам мировой истории и культуры. Иногда в текстах стихотворений оживает древняя Спарта, слышатся голоса римских императоров и египетских богов, а нередко причудливый художественный сплав образуют язычество и христианство.

Христианская тема вообще очень близка автору этой книги. На многие события и даже на свою личную жизнь Максимычева смотрит сквозь призму Нового Завета. Так, стихотворение «Четверг», начатое, казалось бы, с любовной темы, продлевается масштабной картиной одного из самых драматичных дней страстной недели, когда вспоминаются тайная вечера, на которой Иисус Христос установил таинство евхаристии и совершил омовение ног учеников, молитва Христа в Гефсиманском саду и предательство Иуды. Как ниточка сквозь игольное ушко, тема любви, совмещённая с темой творчества, проходит сквозь многовековую священную историю и навсегда становится её частью. Что и говорить – автор искусный портной, сшивающий в единое целое грани гигантского полотна, тщательно следит, чтобы не было зазоров и прорех:

*О Господи, когтистый изувер
Горланит остывающую песню,
Нежданно приближается четверг
к черте, горизонтальной поднебесной.*

*Где намертво приклеенный язык
идёт на дно, взбивая вязкий омут,
а камень к темноте людской привык,
как человек к таинственному злему*

«Таинственное злое» нередко трансформируется у Максимычевой в образ языческой нави. Это ещё одна грань полотна – мистическая тёмная материя. Вспомним, что навь в языческой традиции – это подземный мир, обитель тёмных божеств, но также и альтернативная вселенная, существующая по другим законам. Иногда навью в восточнославянской мифологии называют мертвеца, вставшего из могилы. Таким «мертвецом» – ужасающим призраком прошлого, очертания которого проявились в настоящем, становится мир, описанный Максимычевой в третьей части триптиха «Четверг». Кажется, что произведение написано совсем недавно, по следам тревожных событий – настолько явственной и пугающей кажется эта реальность:

*Ты знаешь, до сих пор следы видны
и отпечатки состоявших в членстве
бандитских группировок, ООО,
но перечень состава преступлений
в распахнутое падает окно,
а в нём, прищурив глаз, смеётся Ленин...*

Автор не довольствуется частным фрагментом бытия – ему нужна вся панорама в целом. По страницам стихов Софии Максимычевой шествуют разные эпохи, цивилизации, страны и культуры. В историческом полотне не может быть ничего лишнего и случайного, но исход этих масштабных наблюдений нередко печален. Человечество близится к своему концу – и речь не столько о физическом распаде, сколько о духовной деградации и полной утрате нравственных ориентиров.

И всё же главный смысловой вектор стихов этой книги – прозревание света сквозь тьму, поиск духовных основ и вечных смыслов в тёмном корне бытия. Только эти основы и помогают автору выжить, «услышать музыку сквозь снег», обрести подлинную творческую силу и свой собственный голос, который будет всегда узнаваем для читателя:

*Захлопнуть внутреннюю дверь,
рассыпав мелочь по углам;
Наметить путь иной – теперь,
оставив мизерное – там.*

*Увидеть дальние огни
и учащённой жизни пульс,
где ощущения одни –
была зима, сейчас – июль.*

*Сейчас ложится на плечо
твой отпечаток слабых губ,
но от которых горячо,
но на которые ты скуп.*

*Я оставляю позади
произнесённые слова.
П прижимаю свет к груди,
и понимаю, что жива.*